

Ключевые слова: политические языки, интеллектуальная история, история политических дискурсов, политическая философия, Кембриджская школа, Джон Покок, Квентин Скиннер

I

КЕМБРИДЖСКАЯ ШКОЛА

Тимур Атнашев,
Михаил Велижев

«CONTEXT IS KING»:
ДЖОН ПОКОК – ИСТОРИК
ПОЛИТИЧЕСКИХ ЯЗЫКОВ¹

ВВЕДЕНИЕ

Представляемый вниманию читателей блок статей призван ввести в российский научный оборот одну из самых влиятельных традиций в западной истории политического дискурса – методологию Джона Покока, одного из лидеров так называемой Кембриджской школы интеллектуальной истории². Разговор о вкладе и академической биографии Покока был бы неполон без параллельного рассмотрения идей его многолетнего собеседника-оппонента Квентина Скиннера, уже достаточно известного в России. В кратком обзоре мы постараемся показать общность и индивидуальные особенности подходов этих двух выдающихся британских историков политических языков Нового времени, разумеется, делая больший акцент на главном герое публикации.

- 1 Мы приносим благодарность Сергею Леонидовичу Козлову за помощь при подготовке как настоящей статьи, так и других материалов блока. Мы признательны Ирине Дмитриевне Прохоровой за возможность напечатать и прокомментировать статьи по кембриджской методологии и истории политических языков в России.
- 2 Среди множества работ, посвященных методологии Покока и Кембриджской школе, выделим, на наш взгляд, ключевые тексты, принадлежащие различным европейским научным традициям: [Political Discourse 1993; Tuck 1993; Dunn 1996: 19–22; Palonen 2003: 11–28; Дмитриев 2004; Chignola, Duso 2008; Guilhaumou 2010: 59–63; Mulsow, Mahler 2010].

Джон Гревилл Агард Покок родился в 1924 году. Он на год младше Райнхарта Козеллека, на шесть лет старше Пьера Бурдьё, на пять — Юргена Хабермаса, на два — Мишеля Фуко, на год — Зигмунта Баумана и на шестнадцать лет — Квентина Скиннера. Покок — по заслугам и возрасту — является одним из ведущих современных теоретиков в области исследований политической философии Нового времени, чей авторитет сопоставим с репутацией Козеллека, Фуко и Хабермаса. Наиболее оригинальный методологический вклад Покока в развитие его дисциплины — это интерпретация истории политической философии как истории «политических языков», «идиом»³ или «дискурсов». Междисциплинарная направленность методологического подхода Покока очевидна: в нем сочетаются элементы таких наук, как политическая философия, история права, теология, политическая наука, историография, теория языка и филология. Ученому удалось реализовать чрезвычайно плодотворную исследовательскую программу, направленную на изучение эволюции и взаимопроникновения различных устойчивых социофессиональных идиом в политической культуре Запада в период с XV по XVIII век.

Политическая философия понимается Пококом не как набор абстрактных, вневременных суждений о политике, а как жанр самостоятельного политического действия, нацеленного на формирование риторической нормы и языка сообщества — посредством публичной речи. Основу заданных такой языковой борьбой властных отношений составляет не «биополитика», классовая структура, всепроникающий анонимный дискурс или экономические отношения, а свободная полемика или обмен аргументами между компетентными, исторически конкретными авторами, стремящимися обрести социальное и политическое признание, использующими сложившиеся нормативные языки для легитимации своих намерений и, сознательно или случайно, эти языки трансформирующими.

3 Следуя за Пококом, под «идиомой» мы будем понимать прежде всего сложившееся устойчивое языковое образование — социофессиональный или литературный язык, релевантный для политической риторики. В лингвистике различают понятие «идиом» (мужской род), используемое для обозначения языковых образований в указанном смысле, и более частотный термин «идиома», относящийся к фразеологии и означающий устойчивый речевой оборот («абсолютная семантическая спаянность»). В английском, французском и немецком языках эти два понятия омонимичны. При этом для нас существенными являются более мягкие идиоматические сочетания и динамика их формирования. Например, словосочетание «особый путь» имеет признаки устойчивой идиомы. Словосочетание «выбор исторического пути» предполагает еще более мягкую идиоматическую связь, что подтверждается набором взаимозаменяемых идиом — «выбор пути», «исторический выбор» и даже просто «выбор», — каждая из которых несет на себе дополнительную семантическую нагрузку, в особенности для читателя, знакомого с этим языком и характерным для него набором ключевых понятий. По всей видимости, речь идет об общем языковом феномене становления идиоматического набора, узнаваемого определенным сообществом. Ориентируясь на более распространенный термин и омонимию в европейских языках, при переводе поковского понятия «idiom» мы используем термин «идиома» (женский род) в расширительном смысле, включающем три значения: идиома как язык, идиома как устойчивый идиоматический оборот и, наконец, идиома как ключевое слово, семантически связанное с определенным набором других идиом.

По словам Покока, сама природа политической дискуссии предполагает в отношениях «автор—читатель» как асимметрию, так и симметрию, поскольку, используя общий для них язык, читатель может сам стать автором⁴. С одной стороны, относительная устойчивость и пластичность языка позволяют каждому участнику обсуждения выбирать и заново интерпретировать значения конкретных терминов. С другой, акторы не способны действовать вне сложившегося практического (социального) и риторического узуса, который во многом формирует их взгляд на политические феномены. Благодаря сочетанию свободы интерпретаций и устойчивости используемых общих языковых конструкций автор может *прямо воздействовать* на собеседника или оппонента, который, по словам Покока, «не может не отвечать» на сильный ход или инновацию в публичной полемике, если он не «сталинский бюрократ».

Обсуждение и дебаты становятся элементом власти и институционализации ее отношений, оставляя участникам дискуссии относительную свободу новых толкований традиции и полемических ходов, адресованных «значимым Другим». Историк дискурса прошлого, в свою очередь, нацелен не на идентификацию «вечных» истин, но на понимание и новое открытие (возрождение) уникальной историчности Другого, его ситуации, его языка и высказывания, которые непосредственно в сегодняшнем контексте не явлены. Внимательное отношение к Другому и ценность незнакомого нам контекста противостоят эгоцентризму рационального (в этом смысле монологического и в пределе тоталитарного) философа или идеолога, который вписывает узор прошлого в единую и абстрактно обоснованную схему [Росock 1971]. При этом, в отличие от интерпретации Ганса-Георга Гадамера, предполагавшего диалогическое отношение интерпретатора и текста, «герменевтический круг» Покока раскрывается не только внимательным вчитыванием в сам текст, но и систематическим исследованием контекста, а также изучением более широкого круга источников, позволяющих историку реконструировать полемическую ситуацию высказывания и набор сложившихся в определенный момент идиоматических узусов, определявших ситуацию, в которой говорил и посредством речи действовал автор. В центре внимания оказывается либеральная практика языковой игры как элемента политической борьбы, не санкционированной прямым авторитетом и насилием. Такой подход созвучен либерализму как принятию мнения и значимости Другого и пониманию множественности проявлений любой Истины. К слову, сам Покок охотно признает фундаментально либеральный характер этого метода, как и объективные социально-политические ограничения для свободной реализации принципов языковой игры авторами политических текстов и их исследователями в исторически конкретных условиях.

Утверждение Пококом и Скиннером автономии политических дебатов, рассматриваемых как языковая игра, и свободы их участников от социальных отношений господства и подчинения имплицитно полемизирует с постмарксистской редукцией социального к экономическим и властным связям⁵. Деконструкция и дегуманизация классических оснований культуры и общества,

4 См. об этом статью Покока «The state of the art», публикуемую в этом номере «НЛО».

5 В этом смысле мы можем сравнить Кембриджскую школу с другой классической программой исследования социальных связей, исходящей из автономии преднамеренного и внутренне осмысленного действия, которое остается несводимым к экономическим отношениям и насилию, —

особенно явные в рецепции идей Фридриха Ницше, Людвиг Витгенштейна, Мишеля Фуко, Жака Деррида и Хейдена Уайта, стимулировавших критическое переосмысление методологии и общественной роли социальных и гуманитарных наук, во многом определили их развитие во второй половине XX века. Со своей стороны, Покок дистанцируется от наивной нормативности истории идей предшествующего периода и одновременно с помощью новой историографической методологии выстраивает проект, исследующий и отчасти легитимирующий «гуманистическую» традицию. Программа Покока, по нашему мнению, служит современной *альтернативой* основным исследовательским стратегиям «методологии подозрения» — деконструкции гносеологического статуса знаний в общественных науках и дегуманизации как способу эвристического или критического описания общественных явлений.

ДЖОН ПОКОК: БИОГРАФИЯ, МЕТОД И ТРАДИЦИИ

Биография Покока являет пример удивительного и продуктивного научного трансфера: его академическая карьера развивалась в трех частях света, в трех странах — Новой Зеландии, Англии и США. Покок родился в Лондоне, однако в возрасте трех лет переехал вместе с родителями в Новую Зеландию, где и получил среднее образование. Затем он вернулся в Англию и в 1952 году защитил диссертацию в Кембриджском университете, ставшую одним из первых исследований в методологическом духе будущей Кембриджской школы, вслед за чем вновь перебрался в Новую Зеландию и начал там преподавательскую карьеру. В 1966 году Покок оказался в США, где сначала работал в Университете Вашингтона в Сент-Луисе, а затем — с 1975 года — в университете Джонса Хопкинса в Балтиморе⁶.

Научные интересы Покока в значительной степени коррелируют с маршрутом его перемещений по университетскому миру: ему принадлежат основополагающие работы в области *British studies*, фундаментальные исследования по истории английского и американского республиканизма и ряд интересных работ по истории политических языков в Новой Зеландии. Область знаний, оставшаяся за пределами его профессиональных миграций, — это *Renaissance studies* и занятия итальянской политической теорией XV—XVI веков. Истории английской политической мысли посвящены классические монографии Покока: «The Ancient Constitution and the Feudal Law: A Study of English Historical Thought in the Seventeenth Century» (Кембридж, 1957; второе издание: 1987), в которой показывается ведущая роль языка обычного права в формировании политической мысли и историографии Великобритании; «Virtue, Commerce and History: Essays on Political Thought and History, Chiefly in the Eighteenth Century» (Кембридж, 1985), объединяющая ряд замечательных исследований по истории осмысления коммерческих отношений в терминах республиканской традиции. К этому ряду также относятся «The Discovery of Islands: Essays in British History» (Кембридж, 2005), два сборника коллективных работ — «Three British Revolutions: 1641, 1688, 1776» (Принстон, 1980) и подготовленный Пококом (в сотрудничестве с Гор-

с понимающей социологией Макса Вебера (см., в частности: [Hollis, Skinner 1978]). О собственной политической позиции Покока см.: [Simmons 2012].

⁶ О кембриджском методе и биографии Покока см.: [Hampsher-Monk 1984; 1998].

дном Шохетом и Лойсом Шворером) сборник статей разных авторов «The Varieties of British Political Thought, 1500–1800» (Кембридж, 1993).

В фундаментальной монографии «The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition» (Принстон, 1975) Покок исследовал целую цепочку культурных трансферов, обладающую многогранным историческим значением [Hankins 2000]. В этой цепочке оказываются соединены и актуализация античной политической философии в итальянском Возрождении, и рецепция идей флорентийских мыслителей в Англии XVII века, и рефлексия над республиканскими институтами власти в Америке второй половины XVIII столетия. Кроме того, Покок подготовил и прокомментировал издания классиков британской политической философии — Джеймса Харрингтона (1977, 1992), который благодаря его усилиям получил новое место в истории английской политической мысли, и Эдмунда Бёрка (1987), положившего языковую традицию общего права в основу оригинальной политической философии. В 1964 году Покок издал сборник статей «The Maori and New Zealand Politics», посвященный разысканиям в области политических языков и практик Новой Зеландии.

Подобно Скиннеру, Покок является не только практикующим историком, но и активным теоретиком исторических и политфилософских исследований, стимулировавшим целое направление в академической литературе. Так, в 1971 году он выпустил сборник собственных статей по методологии исторической науки «Politics, Language and Time: Essays in Political Thought and History», в особенности направленных на интерпретацию историографии и политической философии истории (в том числе и в области компаративной истории политических идиом, связанных с осмыслением времени и традиции, в частности на примере китайской культуры). Относительно недавно Покок собрал свои публикации по теории 1960–2000-х годов в томе под названием «Political Thought and History: Essays on Theory and Method» (Кембридж, 2009). Наконец, с конца 1990-х годов и до сего дня Покок реализует масштабный научный проект по истории английского и, шире, европейского Просвещения: в серии монографий под общим названием «Barbarism and Religion» (Кембридж, 1999–...) он реконструирует разнообразные культурные контексты, связанные с историей создания и публикации «Истории упадка и падения Римской империи» Эдварда Гиббона. На данный момент Покок уже выпустил пять томов своего исследования (два тома в 1999 году, третий — в 2003-м, четвертый — в 2005-м, пятый — в 2011 году⁷), скоро ожидается выход финального, шестого тома серии.

В диалоге со Скиннером Покок-историк обосновал фундаментальное значение республиканской традиции — и через нее классической античной риторики — для английской и американской политической теории. В англо-американской политической философии языки республиканизма использовались для осмысления, легитимации и ограничения исторически новых коммерческих отношений, включая кредит, бумажные деньги, налоги, постоянную армию и частную собственность. Кроме того, современная интерпретация идей классиков политической философии Нового времени, таких как Макиавелли, Харрингтон, Гоббс, Локк, Гиббон и Бёрк, во многом основана

7 Тома «Barbarism and Religion» имеют свои подзаголовки: 1-й — «The Enlightenments of Edward Gibbon, 1737–1764», 2-й — «Narratives of Civil Government», 3-й — «The First Decline and Fall», 4-й — «Barbarians, Savages and Empires», 5-й — «Religion: The First Triumph».

на работах Покока и его оригинальной методологии исследования политических языков и традиций. Классические тексты и политическая философия отцов-основателей США также получили принципиально новое истолкование в свете критического воздействия на них долгой «республиканской традиции» Нового времени.

«The Machiavellian Moment» и ряд других монографий Покока посвящены анализу языковых форм исторического самосознания политических обществ Нового времени. Политическая философия теоретиков республиканизма первого и второго плана определяется как ответ на вопрос о возможности выживания политического сообщества перед лицом неизбежной коррупции гражданской добродетели и доблести. Аристотелевский круговорот форм власти, ставший посредством римских авторов самоочевидным горизонтом политического действия, указывал на структурную уязвимость и хрупкость порядка, основанного на гражданской доблести и добродетели причастных к власти людей. Образцом такого порядка была республика. Образованные граждане торговых итальянских республик, активно читавшие античных авторов, остро осознавали метафизическую неустойчивость своего независимого существования. Этот встроенный исторический пессимизм, подкрепленный монументальным прецедентом падения Римских республики и империи, оставался, согласно Пококу, одним из основных фокусов политической философии Нового времени и задавал языковую рамку для восприятия новых коммерческих отношений как проявлений неизбежной этической деградации вплоть до «Федералиста» отцов-основателей США. В ответ на этот вызов формируется набор языков, позволявших обеспечить историческое существование республики или монархии: непрерывная и бережная передача традиции во времени, возврат к институтам утерянного Золотого века, убеждение в поступательном развитии форм власти и, наконец, утопическая вера в возможность неограниченного конструирования новых общественных единиц.

В шеститомной серии, посвященной интеллектуальному контексту «Истории упадка и падения Римской империи» Гиббона, Покок обосновывает значимость пессимистического республиканского наследия в эпоху Просвещения, традиционно связывавшегося с идеями неизбежного и поступательного прогресса. Он, в частности, показывает, как сложившееся многообразие традиций и богатство политических языков могут служить предостережением от чрезмерных генерализаций, основанных на недостаточно методичном и широком изучении контекста. Признание идеологического и культурного плюрализма внутри каждой эпохи не означает отказа от обобщений или от написания истории отдельных языков и их взаимовлияния. По мнению Покока, восстанавливая богатство прежних интеллектуальных традиций, историк дискурса объективно способствует новой рецепции ушедших и потому «незаметных» сегодня, но исторически значимых политических языков прошлого, которые, в свою очередь, уже в новом контексте могут оказаться востребованными современной политической философией⁸.

8 Ценность и смысл этой исторической актуализации существенно отличаются от прямой проекции политических предпочтений в прошлое и использования прошлого в качестве инструмента легитимации. Обогащение современного дискурса возможно только на основе введения в оборот тех языков и аргументов, которые недоступны историку и его современникам.

МЕТОДОЛОГИЯ КЕМБРИДЖСКОЙ ШКОЛЫ И ДВА ПОВОРОТА В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ XX ВЕКА

С именами Покока и Скиннера связаны радикальные изменения в методологии англоязычной истории политической философии, произошедшие в 1960-е годы. Любопытной чертой предпринятого ими пересмотра ключевых понятий и подходов в интеллектуальной истории стало совпадение двух «поворотов» — исторического и лингвистического. Само по себе это сочетание совершенно не является очевидным: например, постмодернистская версия *intellectual history* претерпела в 1970-е годы почти обратную трансформацию — в работах Х. Уайта и его последователей обращение к риторической природе историографических и, шире, научных текстов означало разрыв с логикой и законами исторического исследования, отрицание значимости исторических интерпретаций и релевантности попыток реконструировать «прошлое». Напротив, Кембриджская школа истории политической философии, подобно антропологии Клиффорда Гирца, чья версия анализа идеологий через интерпретацию политических метафор чрезвычайно востребована историками⁹, соединила внимание к риторике и исторический метод, что имело два важных следствия. Прежде всего, одним из центральных понятий кембриджского подхода стал термин «контекст»: и Скиннер [Skinner 1969], и Покок [Rosock 1962], и Джон Данн [Dunn 1968] едины в том, что первая задача историка философии — реконструировать исторический смысл речевого действия. Под «контекстом» они понимают в первую очередь полемическую языковую ситуацию. Речь идет не о естественных языках, но о языках политических, о совокупности идиоматических матриц, принятых в политической философии и составляющих фон, по отношению к которому проявляет себя автор. Именно поэтому Скиннер и Покок обратили внимание на необходимость поместить «классические тексты» политологической традиции в максимально широкий контекст сочинений второстепенных авторов, поскольку смысл речевого акта тех философов, которых мы считаем значительными, становится понятен только при сравнении их риторической стратегии с «правилами политической игры», господствовавшими в их время. Таким образом, формулируя свои тезисы, автор совершает два действия: с одной стороны, излагает политический аргумент в конкретной исторической ситуации, а с другой, занимает определенную позицию в отношении языков и аргументов других авторов — полемизирует с ними, подтверждает их основательность, высмеивает, критикует или попросту не замечает. Макиавелли, давая советы государям, выстраивал свою логику в зависимости от того, какие рекомендации содержали типовые учебники по монаршему поведению, и именно на фоне жанровой традиции становится понятно, «what he was doing by writing a text», согласно оригинальной формулировке Скиннера.

Эвристическая ценность кембриджского подхода состоит в том, что рефлексия над взаимоотношениями между текстом и контекстом через языковую призму избавляет исследователя от ответа на вопрос, например, о связи психологии или внутренних убеждений (beliefs) автора с его произведениями или от каузальных «марксистских» объяснений природы человеческих поступков и интересов. Методологическое ограничение социальной перспек-

9 Так, Скиннер указывает на близость антропологии Гирца и кембриджской истории понятий (в интервью журналу «Art of Theory»: www.artoftheory.com/quentin-skinner-on-meaning-and-method (дата обращения: 25.07.2015)).

тивы принципиально прежде всего для Скиннера, который заявляет о сомнениях в самой возможности связать социальный и языковой контексты, ограничивая рамки исследования исключительно риторическими особенностями политических трактатов и лингвистической составляющей политических действий¹⁰. Вместе с тем, по-видимому, многое при применении риторического подхода опускается, точнее, подразумевается как данность — например, сложные связи между социальными ролями, присущими авторам, и социальными статусами текстов¹¹. Оговоримся, что Покок признает значимость социального и классового контекста, а Скиннер фактически исследует его как часть «контекста» воспринимаемой автором практической ситуации, но не в предполагаемой функции закулисного кукловода, управляющего речью актеров [Росock 1985; Skinner 1988a; 1988b].

Ключевой сферой интересов Скиннера исходно служит авторская интенция: его в большей степени интересуют те констелляции значений, которые возникают в момент создания или публикации текста и определяют риторическое намерение политического философа. Таким образом, история философии, по Скиннеру, предполагает известную степень свободы авторской воли — способность с помощью концептов совершать большое количество действий, в частности менять парадигмы описания того или иного политического явления, сообразуясь с собственными намерениями в заданной ситуации¹². Покок отчасти критикует и отчасти уточняет интенционалистскую линию Скиннера: в публикуемой ниже обзорной статье о состоянии метода в политической философии он ставит вопрос о принципиальной невозможности анализировать «намерения» автора вне языковой среды: в каком смысле историк может изучать намерение автора до того акта, которым намерение выражается в речи, и вне его? Отвечая на этот вопрос, Покок говорит об ограничении авторского самопроявления, поскольку утверждает, что сами интенции в известном смысле в языке уже заложены, — язык предоставляет автору определенный репертуар политических идиом для описания политического опыта. Акцент в методологии смещается на язык или, правильнее сказать, на языки, связывающие автора, сообщение и читателя. Однако само богатство и многообразие доступных языков (как следствие интенсивности публичных дискуссий в изучаемых политических сообществах Нового времени, в которых Покок особенно выделяет ключевую роль религиозных, юридических, философских и коммерческих идиом и соответствующих социальных институтов, легитимировавших политические языки), а также

10 Говоря об авторских интенциях, Скиннер и Покок интерпретируют их исключительно в смысле языкового выражения: те действия, которые совершает актер в процессе письма, прежде всего касаются его отношений с самим политическим языком и другими актерами. При этом, создавая тексты, авторы не только стремились к выстраиванию линии преемственности или разрыва с языковой традицией, но и старались занять определенное место в социальной и культурной иерархии. Действие, совершаемое в языке, никогда не ограничивается исключительно воздействием на язык, но имеет и экстраязыковые коннотации. Скажем, Макиавелли, давая рекомендации Лоренцо деи Медичи, не только совершал переворот в политическом языке, но и мог преследовать прагматическую цель — найти себе нового патрона и вернуться таким образом во флорентийскую политику.

11 См. об этом подробнее: [Bourdieu 2001].

12 Наиболее последовательное изложение методологии Скиннера см.: [Tully 1988].

возможность языковых инноваций открывают автору, хорошо владеющему словом, существенную свободу речевого действия.

Соотношение между индивидуальными актами речи (*parole*), заданными и каждый раз меняющими структуру общего для сообщества языка (*langue*), становится центральной темой методологической рефлексии Покока [Росock 1987 / 2009]. История дискурсов еще больше усложняется и обогащается за счет того, что исходная ситуация, в которой высказывается и совершает свою работу автор, существенно отличается от непредсказуемой цепочки последующих прочтений и интерпретаций текстов читателями, часто совсем незнакомыми с оригинальным контекстом высказывания. Классические тексты в силу своего авторитета, по определению, оказываются в открытой ситуации многократных реинтерпретаций, историю которых также можно продуктивно изучать. В целом, базовой задачей историка дискурса становятся анализ и освоение основных идиом или языков, доступных в определенный исторический период максимально широкому кругу авторов. Изучение конкретного автора и текста основывается на таком предварительном знакомстве, которое позволяет указать не только на используемые автором языки, но и на возможные языковые инновации, совершенные автором в рамках сложившегося узуса. В этой фазе фокус внимания смещается с репертуара общего языка к инновационному потенциалу индивидуальной авторской речи (высказывания).

Интересно вновь отметить одновременно взаимодополняющий и полемический характер методологических работ двух ведущих исследователей Кембриджской школы. Для Скиннера характерны стремление к максимально четкому философскому осмыслению методологического подхода и своеобразный ригоризм используемых концептов. Так, он артикулировал общий кембриджский подход в терминах теории перформативных речевых актов Джона Остина и настойчиво использовал несколько понятий и чеканных формул — «интенция» («intention»), «значение и контекст» («meaning and context»), «ход» («move»). Наконец, именно Скиннеру принадлежит знаменитый вопрос: «Что делал автор, когда писал свой текст?» («What was doing the author by writing his text?»). Словарь Покока в этом отношении более разнообразен и сознательно менее точен. Он включает в себя понятия и метафоры — языка, идиомы, наречия («sublanguage»), языка второго уровня («second-order language»), парадигмы, *langue* и *parole*, языковой игры, матрицы, ткани («texture»), языковой инновации. Описанная концептуальная множественность соответствует имплицитной метафизике Покока. Он подчеркивает проблематичность восприятия текста как чрезмерно жесткой языковой системы и отмечает, что внутри одного и того же произведения, как правило, взаимодействуют сразу несколько языков, что является не недостатком системности, а скорее риторическим и познавательным преимуществом.

Другим важным следствием историко-лингвистического «поворота» Кембриджской школы стал ее собственный научный язык. Российскому читателю он может показаться непривычным — из-за его отчетливой ориентации на стиль англосаксонской аналитической философии середины XX века. Обсуждаемый метод в истории политической философии сложился в Кембридже в 1950—1960-е годы, т.е. в период тотальной гегемонии философских подходов, связанных с именем Людвиг Витгенштейна и его учеников. Именно Витгенштейну и его языковой теории («words are deeds») Скиннер и Покок обязаны своим понятием «контекста» — совокупности значений, возникающих при конкретном использовании того или иного понятия. Другими важнейшими для кембриджской традиции философами были Джон Остин и

Джон Сёрль. Теория речевых актов дала возможность Скиннеру апеллировать к «иллокутивной силе» высказывания, демонстрирующей спектр значений, заложенных в тексте, но выходящих за пределы языкового сообщения, и сообщающей о сознательном выстраивании отношений между текстом и другими элементами письменной традиции. В этом смысле можно говорить, что подразумеваемый социальный контекст политической философии создает и оберегает определенное поле, в котором речевые акты становятся самостоятельным социальным действием¹³.

Кембриджские историки применили методы аналитической философии к политическим текстам прошлого, придя, в частности, к идее принципиальной множественности контекстов: они несводимы к какой-либо типовой универсальной («метафизической») логике высказывания о важном с политической точки зрения предмете, поскольку с помощью одной и той же аргументации в разные эпохи можно совершать разные по сути речевые действия. Терминология Кембриджской школы живо напоминает лингвистическую, однако при более детальном рассмотрении выясняется, что это сопоставление скорее обманчиво — в том смысле, что значения терминов, вводимых Скиннером и Пококом, не всегда находят четкое соответствие с тем, как их принято использовать в современной лингвистике. Правильнее будет говорить о влиянии посредника — англосаксонской философии языка середины XX века.

Историко-языковой «поворот» в политической философии был связан и с кардинальными изменениями в структуре гуманитарных наук в целом, происходившими в 1960-е годы. Сами представители Кембриджской школы указывают на важность для их традиции работ британского историка Робина Джорджа Коллингвуда, в частности писавшего об идейной подоплеке человеческих действий [Росock 1971 / 2009: 27; Скиннер 2004]¹⁴. Другим важнейшим концептуальным ориентиром для них послужили новые подходы в истории науки, прежде всего связанные со «Структурой научных революций» Томаса Куна (1962) и понятием «парадигма», активно используемым в историко-теоретических работах Скиннера и Покока. Кроме того, несомненно методологическое взаимодействие между кембриджской историей политической философии и «варбургянской» историей искусства. Выводы Эрнста Гомбриха относительно соотношения между языком искусства и реальностью в монографии 1960 года «Art and Illusion» (о том, что для изображения объекта для художника прежде всего релевантно не прямое созерцание предмета в «реальности», но владение техниками его иконографической концептуализации, распространенными в его историческую эпоху, и работа с этим контекстом [Gombrich 1960: 52–73]) отчетливо перекликаются с методологической программой Скиннера и особенно Покока, писавших о бытовании политических языков, задающих рамки возможных высказываний о политике. Характерным в этой перспективе кажется и словоупотребление Гомбриха, много говорившего о «языках живописи» [Gombrich 1960: 72–73]. Кроме того, изучение политических языков на стыке между авторской интенцией и читательским восприятием сближало Кембриджскую школу с немецкой рецептивной эстетикой Ханса Роберта Яussa и Вольфганга Изера, интерпретировавших «горизонт читательского ожидания», формировавшийся автором за счет чисто языковых средств [Thompson 1993].

13 Подробнее см. методологические работы Скиннера в первом томе «Visions of Politics»: [Skinner 2002].

14 Другая важнейшая для Покока фигура — Карл Поппер [Росock 1971 / 2009: 27].

Вместе с тем именно этот предельно контекстуальный подход воспрепятствовал методологическому соединению кембриджской истории политической философии с ближайшим к ней континентальным аналогом — немецкой *Begriffsgeschichte* Райнхарта Козеллека, несмотря на все усилия сторонников такого сближения, прежде всего Мелвина Рихтера¹⁵. Скиннер и в еще большей степени Покок склонны отрицать саму возможность построения «истории одного понятия» вне связи с конкретными случаями его использования несколькими авторами в разных контекстах [Рососк 1996]. В методологическом смысле анализ политического языка, заданного прагматикой локального употребления в сочетании с другими языками и множеством индивидуальных высказываний, всякий раз преследующих специфические цели, трудно сочетается с интерпретацией понятия, которая предполагает фокусировку на внутреннем содержании концепта и его радикальных трансформациях в прямой связи с эпохальным изменением социального контекста. Для Кембриджской школы социальность как полемическая коммуникация множества авторов на общих языках представляет самостоятельный и полноправный предмет изучения, который не требует специальной метафизической подосновы и глубины «понятий».

Тем не менее и Скиннер, и Покок как историки в своей работе выстраивают большие нарративы о политических языках (Скиннер даже создал историю одного понятия — концепта «государство»; см.: [Скиннер 2002])¹⁶. Кроме того, Скиннер в 1978 году выпустил ставший классическим двухтомник «*The Foundations of Modern Political Thought*», а Покок в уже упомянутом «*The Machiavellian Moment*» (1975) исследовал историю трехвековой трансатлантической традиции в республиканской политической теории. Скиннер и Покок по-разному обходят методологическую проблему перехода от набора частных контекстов к более общей истории политических языков. Для Скиннера принципиально важны «случайность» и мозаичность эволюционных сдвигов, приведших к формированию современной политической философии, отсутствие всякой телеологичности в ее историческом развитии. С его точки зрения, современные языковые парадигмы в политической философии сложились как следствие использования понятий в разных политических контекстах, скрепленных между собой исключительно по принципу принадлежности к определенной политической культуре дискурса и конкретных констелляций встреч и разрывов. Покок же концентрирует исследовательское внимание на устойчивых и передающихся от автора к автору политических языках, особо выделяя «*second-order languages*», т.е. способы представления авторами прошлых эпох их собственного категориального аппарата, и по-новому осмысляя понятие традиции. Концептуализируя политическую теорию на уровне набора взаимодействующих и изменяющихся языков, а не только авторских интенций, Покок реконструирует их относительно длительную историю. В обоих случаях речь идет о скрупулезном выстраивании множества различных контекстов и изучении постепенной, нелинейно направленной эволюции, необходимых для создания большого нарратива, точнее, нескольких нарративов, ни один из которых не может претендовать на исключительность.

15 О Кембриджской школе и *Begriffsgeschichte*, а также библиографию вопроса см.: [Richter 1995; Van Gelderen 1998; Chignola, Duso 2008: 51–82, 256–282; Дубина 2010; Миллер, Сдвижков, Ширле 2012: 23–31].

16 См. также «кембриджский» по духу сборник статей, непосредственно посвященный анализу отдельных политических концептов: [Political Innovation 1989].

Существенным также представляется различие трех дисциплинарных уровней: а) истории политического дискурса, б) методологической рефлексии и с) нормативной политической теории и философии, которых первоначально кембриджские авторы стремились избегать. В конце XX века Скиннер фактически выступил как теоретик политической свободы в двух взаимосвязанных ролях — историка политической философии и политического философа [Tully 2002]. «Третье понятие свободы», обоснованное Скиннером вслед за первыми двумя («позитивным» и «негативным»), сформулированными Исайей Берлином, стало предметом острой внутригрупповой дискуссии. Изучая «гражданский гуманизм» итальянского Ренессанса, Скиннер идентифицировал оригинальное понимание политической свободы не просто как фактическую свободу от внешнего вмешательства или гражданскую обязанность активно участвовать в общем деле, но как наличие гарантий от произвольного вмешательства. Сама потенциальная угроза произвольного вмешательства суверена делает поведение гражданина принципиально несвободным, даже если эта угроза фактически не реализуется. Это тонкое различие возводится Скиннером к античной оппозиции свободного человека и раба, в которой свободный определяется не как «тот, кто оставлен в покое», но как «тот, кто по праву не может быть подчинен чужой воле». В этой перспективе Гоббс, например, намеренно боролся с республиканским понятием свободы, унаследованным в Англии от итальянского Ренессанса, обосновывая монопольное право суверена на произвольное насилие как единственную действительную гарантию от знаменитой «войны всех против всех» [Skinner 2008]. С точки зрения Скиннера, последующая рецепция либерализма (в том числе Исайя Берлин) принимала это усеченное понятие негативной свободы как основное и самоочевидное. В недавней работе английский политический философ Филип Петтит, подобно Скиннеру, использовал исторический анализ для формулировки ряда аргументов и исторического обоснования политической философии, открывающей возможности для современной версии *республиканского либерализма* [Pettit 1997]. Таким образом, общественная роль истории политического дискурса заключается в том числе в обнаружении исторически ушедших, но потенциально значимых и продуктивных политических узусов. Открытие и осмысление столь важного понятия Скиннер считает своим персональным вкладом в историю политической философии. Именно этот тезис стал предметом открытой критики со стороны Покока, который не признал прежде всего историографическую значимость выдвинутых аргументов¹⁷.

Наконец, следует прокомментировать и терминологический аппарат, использующийся в науке для описания методологии Покока. Здесь мы сталкиваемся с определенным затруднением: общеупотребительные названия, принятые для обозначения того научного направления, к которому он принадлежит, — «Кембриджская школа» и «интеллектуальная история» — не вполне устраивают самого исследователя [Росок 2013]. В собственных методологических текстах он предпочитает этим научным лейблам термин «историк дискурсов». Вместе с тем оба предложенных в науке названия обладают своими преимуществами. Основные представители новой школы в истории политической мысли — Питер Ласлетт, Квентин Скиннер, Джон Данн и Джон Покок, — принадлежат к разным поколениям, имели прямое отношение к Кембриджскому университету, где они учились, преподавали и сфор-

17 Подробнее см. статью Покока «Квентин Скиннер: история политики и политика истории» в этом номере «НЛО».

мировались в 1950-е и 1960-е годы как исследователи со своим оригинальным подходом.

Исторически «Кембриджская школа» — это не самоназвание, а ярлык, свидетельствующий о том, как эту действительно тесно связанную группу исследователей видели извне их сообщества. Нам не удалось установить, кто именно ввел в научный оборот термин «Кембриджская школа». Возможно, устоявшееся название связано с книжными сериями Кембриджского университета «Cambridge Texts in the History of Political Thought» и «Ideas in Context» [Clark 2006: 215–216; Бивир 2010: 114]. Символическое начало Кембриджской школы было положено в 1949 году, когда Питер Ласлетт выпустил (что характерно — в Оксфорде!) отдельное издание трактата «О патриархе» английского политического мыслителя середины XVII века Роберта Филмера. Ученый четко разграничил «контексты» создания, публикации и активной рецепции текста, отделив тем самым авторскую интенцию от идеологического воздействия, которое оказало сочинение («intention» от «effect», по выражению Покока [Росок 2006: 37]). В дальнейшем синонимическим термином для определения Кембриджской школы стало понятие «contextualism» [обсуждение метода см.: Skinner 1988c: 275–277; Bevir 1992; King 1995; Hume 2006; Бивир 2010; Political Philosophy versus History 2011], указывающее на ключевую роль исторического контекста при интерпретации политических текстов прошлого в противовес традиции политической философии и истории идей, эмблемами которой для Покока и Скиннера служили «антиисторичные» Артур Лавджой и Лео Штраус¹⁸. Ныне термин «Кембриджская школа» настолько устоялся, что сам по себе кодирует вполне понятную и хорошо известную методологическую программу, а ссылка на него порой позволяет избежать длительных объяснений, например, касательно трактовки Пококом понятия «дискурс». Огромная литература, включающая несколько сотен статей и монографий, рассматривает Кембриджскую школу как объект анализа и фактически легитимирует полноправное использование термина, несмотря на возражения или осторожный скепсис «подозреваемых» представителей школы. Общий философский «бэкграунд», действительная принадлежность к Кембриджу в период становления и, пожалуй, самое важное — единство методологии и несколько десятилетий внутренней полемики и взаимного признания говорят о наличии общего подхода и в этом смысле о существовании академической школы. Разделяемая участниками установка на подчеркнутую методологическую щепетильность в отношении ярлыков и универсальных категорий остается последним и лишь отчасти ироническим аргументом в пользу общности подходов в группе ярких британских индивидуалистов.

Сложнее и запутаннее дело обстоит с понятием «интеллектуальная история». В статье, посвященной трактовкам этого концепта в гуманитарных науках, французский историк Роже Шартье отмечает, что континентальная традиция почти не знает подобного дисциплинарного именованья [Шартье 2004]. Более того, сам термин «интеллектуальная история» кажется чрезвычайно размытым, что приводит к частым злоупотреблениям в его использовании, — грубо говоря, «интеллектуальной историей» при желании можно назвать любую область знаний, связанную с изучением текстов прошлого. При этом если мы посмотрим на то, кто в западных гуманитарных науках называет себя «интеллектуальными историками», то в первую очередь столкнемся с именами постмодернистов Хейдена Уайта или Доминика Лакапры

18 О методологии Покока и Скиннера в контексте «истории идей» см.: [History of Ideas 1983; Bevir 2004; Grafton 2006].

[White 1969; LaCapra 1983; Toews 1987; Pagden 1988; Jacoby 1992; LaCapra 1992]. Те же, кого принято именовать «интеллектуальными историками», представляющими Кембриджскую школу, с такой квалификацией прямо не согласны или относятся к ней с явной настороженностью.

В 2013 году группа датских историков, издающих серию «5 Questions», выпустила специальный номер, посвященный «intellectual history»¹⁹ и состоящий из ответов, данных ведущими представителями научной области (в том числе Скиннером, Пококом, Карло Гинзбургом, Шартье и др.) на пять вопросов о предмете. В предваряющей том заметке авторы сформулировали такое определение «интеллектуальной истории»: «Мы понимаем интеллектуальную историю в самом широком смысле. Она включает в себя историю идей, историю понятий, генеалогию, историю чтения, Кембриджскую школу, культурную историю и другие традиции, анализирующие структуры идей в их историческом контексте» [Jeppesen, Stjernfelt, Thorup 2013: IV]. Из этой дефиниции, в частности, следует, что «интеллектуальную историю» можно идентифицировать не через предмет исследования, а через методологический прием. В силу этого обстоятельства термин «интеллектуальная история» оказывается полезным, когда речь идет о разных по содержанию и научным задачам теориях, скрепленных тем не менее одной исследовательской установкой²⁰. Подходы в интеллектуальной истории могут различаться в диапазоне от социолого-статистических методик в истории чтения до языкового анализа в истории политических идиом или истории понятий, однако все они объединены общим фокусом — признанием детерминирующей роли методического изучения исторического контекста или контекстов при анализе текстов прошлого. Символично в этом смысле, что свою статью, посвященную юбилею выхода в свет «The Foundations of Modern Political Thought» Скиннера и повествующую об истории кембриджского метода, Покок начинает с де-виза: «Context is king» [Росcock 2006: 37].

КЕМБРИДЖСКАЯ ШКОЛА В РОССИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ: РЕЦЕПЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Работы Покока на русский язык переводятся впервые. Тем не менее Кембриджская школа и два ее ведущих представителя уже находятся в поле внимания многих ведущих отечественных исследователей с разной дисциплинарной аффилиацией, включая Олега Хархордина, Алексея Миллера, Александра Бикбова, Виктора Каплуна, Александра Дмитриева, Артемия Магуна, Ирину Савельеву, Александра Доброхотова, Николая Копосова, Михаила Ямпольского и других. Скиннер представлен в русском академическом поле несколькими статьями и монографиями, преимущественно связанными с понятием «республиканской свободы», переведенными в основном благодаря усилиям Олега Хархордина и его коллег по центру «Res Publica» Европейского университета в Санкт-Петербурге [Скиннер 2002; 2004; 2006; 2009; 2011; 2013; 2015]. Несколько интересных статей на портале Gafter.ru непосредственно посвящены ключевым понятиям и представителям Кем-

19 Разумеется, это не первая попытка систематизации такого рода: схожий опрос в 1985 году проводил, например, журнал «History Today».

20 Одно из наиболее внятных описаний научных направлений, объединенных названием «intellectual history», см.: [Brett 2002].

бриджской школы. Имена Скиннера и Покока попадают в вузовские программы курсов по историографии и истории политических идей и уже встречаются не только в кандидатских диссертациях, но даже в анонимных рефератах в сети Интернет. Российская ученая публика познакомилась со Скиннером — теоретиком политической свободы. В то же время тексты Скиннера — историка политических языков раннего Нового времени, подобно работам Покока, остаются почти не переведенными и поэтому менее известными в России.

Кроме того, в недавней книге «Грамматика порядка», а также в интервью, взятом специально для этого номера «НЛО», социолог Александр Бикбов упрекнул кембриджский подход в излишней «филологичности». «Филологичность» метода, с точки зрения Бикбова, заключена не столько в его чувствительности к языковым парадигмам и идиомам, сколько в акценте на выявлении авторской интенциональности (Скиннер). На этом основании Бикбов делает, как мы убеждены, несколько поспешный вывод об «архаичности» кембриджского метода [Бикбов 2014: 18]. Важно в этом смысле напомнить, что в методе Скиннера и Покока сочетаются, с одной стороны, установка на интерпретацию авторской интенции внутри цепи уникальных ситуаций высказывания, позволяющей автору сделать определенный полемический ход (Скиннер), а с другой — установка на реконструкцию политического языка (идиомы, диалекта) и соответствующей традиции, задающих репертуар возможных смыслов и выражений (Покок). Такое сочетание делает кембриджский подход чрезвычайно гибким. Генетически различные исследовательские программы являются двумя сторонами одной и той же медали. Анализируя авторскую интенцию, Скиннер не может обойтись без детальной реконструкции понятийного и исторического контекста, «конвенций», на фоне которых интенция как таковая и становится очевидной [Skinner 1970]. В свою очередь, Покок в анализе языковых парадигм и их филиации регулярно обращается к интерпретации отдельных текстов, понимаемых как высказывания внутри политической ситуации, стремясь увидеть связь между индивидуальным узусом и возможными инновациями в структуре и характере политической аргументации прошлого [Росock 2001].

Вместе с тем Бикбов совершенно справедливо, на наш взгляд, сблизил кембриджский подход с филологией. Российская наука о культуре имеет свою сильную «контекстуальную» традицию, прежде всего в филологии, — Тартуско-московскую семиотическую школу. Скиннер не читал работы Юрия Лотмана, хотя, как показывают его статьи, знал о них и считал их близкими по духу [Skinner 1975: 217]. Семиотическая теория культуры Лотмана, во многом генетически связанная с лингвистическим понятийным аппаратом, в ряде своих постулатов (например, о постоянной перекодировке сообщений в процессе социокультурной коммуникации) перекликается с теорией политических языков Покока, также фиксирующей зазор между авторским видением аргумента, языком и читательским восприятием. При этом Тартуско-московская школа формулирует схожие научные проблемы на совершенно ином концептуальном языке, не ставя перед собой задачу описания *long-term* истории языковых средств, используемых в политической сфере. Российская ситуация отчасти напоминает французскую: во Франции историография школы «Анналов», с ее концептом «*mentalité*», особым интеллектуальным «оснащением» для познания мира, детерминированным исторически, или понятием «*l'imaginaire social*» — коллективной репрезентации, затруднила полноценную рецепцию идей Кембриджской школы, которые в контексте работ Марка

Блока и Люсьена Февра теряли свою насущную актуальность и часто воспринимались скорее как банальные [Vincent 2003]²¹. Ту же картину мы, с некоторыми оговорками [Chignola, Duso 2008], можем наблюдать и в Италии, где Арнальдо Момильяно, Франко Вентури и Карло Гинзбург внесли значительный вклад в контекстуальную историю идей и понятий²². Эти направления в гуманитарных науках, кроме того, с чрезвычайной подозрительностью (и, вероятно, не без основания) относятся к использованию лингвистических теорий в историографии, усматривая в них следы антиисторического по своей сути влияния. В этом смысле нам кажется принципиальным прочертить дистанцию, отделяющую кембриджскую версию интеллектуальной истории от ее постмодернистского аналога: Скиннер и Покок прежде всего являются серьезными историками, концептуализирующими разрывы, существующие между восприятием политических аргументов в прошлом и настоящем.

Одной из причин недостаточной известности в России исторических работ представителей Кембриджской школы является меньшая научная актуальность изучаемого периода. Основной предмет чисто исторических штудий Покока и Скиннера — Ренессанс и политическая история Англии XVII (Скиннер и Покок) и XVIII (Покоч) веков — еще не получил должного внимания со стороны русского научного сообщества. В России эти исторические периоды имели иной смысл и специфику: культурное влияние итальянской и британской политической мысли XVI—XVII веков на становление русского политического сознания в XVIII столетии несомненно, однако история этой рецепции еще ждет своего исследователя. Важно также помнить и о том, что история «русской общественной мысли» в советские годы во многом была законсервирована в силу несомненной идеологической значимости и осталась почти не разработанной в методологическом отношении. Сегодня эта наука чаще всего напоминает описанную Скиннером в 1969 году «лавджоевскую» историю идей, воспринимаемых вне связи с историческим контекстом, или дисциплину лишь формально историческую, т.е. использующую исторические контексты в качестве фона, а не объяснительной матрицы [Skinner 1969]. Она задает классическим текстам прошлого стандартный набор общефилософских вопросов, релевантных скорее для сегодняшнего дня и стандартизированных для удобства преподавания в вузах. Наконец, мы уже упоминали о трудностях, связанных с рецепцией научного стиля историков Кембриджской школы, в значительной степени следующего за языковой спецификой и аргументацией англоязычной аналитической философии. В России функцию научного языка историко-культурных разысканий выполняют скорее категориальный аппарат семиотики или идиомы, сформировавшиеся в рамках западных антропологии и социологии.

Задача историков политического языка в России никак не может сводиться к попыткам механически идентифицировать в текстах, написанных на русском языке, ту же повестку, которая волновала английских, французских или немецких интеллектуалов, или найти набор российских ответов на серию западноевропейских вопросов. Речь идет об истолковании целой цепи трансформаций, которые претерпевают европейские понятия при переносе в другой политический контекст, и об анализе оригинальных отечественных

21 Подробнее об истории исследований политического языка во Франции см.: [Guilhaumou 2010].

22 О восприятии кембриджской методологии в различных национальных традициях см. материалы сборника статей: [History of Political Thought 2001].

политических языков. В этом смысле мы можем попробовать сформулировать основные элементы междисциплинарного подхода к исследованию истории политической философии в России, основанного на достижениях Кембриджской школы. Политические «концепты» и «идеи» не функционируют автономно, наиболее же адекватным историческому методу объектом служат дискуссии в конкретных исторических ситуациях. При этом, с точки зрения историка общественных языков, роли политического деятеля, полемиста и политического философа сближаются. Идентификация основных идиом российской политической философии становится первой исследовательской задачей, которая требует тщательного предварительного изучения цепочки локальных полемик. Конкретные языки и идиомы историк, согласно Пококу, может идентифицировать с помощью:

- анализа а) частоты использования и б) разнообразия контекстов;
- фиксации языковых и жанровых миграций;
- изучения авторской рефлексии над значимостью, распространением и новизной идиомы.

На следующем этапе исследования, опираясь на более совершенное понимание языкового контекста и доступных идиом, возможно дальнейшее изучение авторских намерений и ходов в текстах и полемиках отечественных политических теоретиков (правда, в существенно более широком и прагматическом понимании этого термина), пишущих и говорящих, как правило, на нескольких политических языках. Кроме того, следует реинтерпретировать те тексты, которые сегодня не представляют явного интереса, но могут оказаться центральными для формирования и эволюции конкретных политических традиций.

Наконец, сохраняя свойственную Кембриджской школе осторожность в высказывании обобщающих суждений о длительных исторических периодах, можно наметить отдельные линии «большой» истории русской политической философии Нового и Новейшего времени. Методологическая проблематичность большого нарратива, убедительно обоснованная Скиннером и Пококом, связана с принципиальной множественностью языков, ситуаций и полемик, из которых нет возможности однозначно выбрать одну главную «историю» ни с помощью логических, ни с помощью исторических критериев. При этом полноценным основанием для идентификации каждой из идиоматических линий не может служить только явная «логическая» общность тем и концепций или даже использование одних и тех же ключевых слов в разные эпохи. Напротив, в данном случае оказывается принципиальной непосредственной цепочка передачи традиции — «автор—читатель—автор» или «учитель—ученик», — прослеживаемая а) через общность сложившихся языков, включающих узнаваемый, связанный и устойчивый набор понятий и аргументов; и б) через достоверяемые свидетельства коммуникации — т.е. через ссылки, круг чтения, письма, свидетельства об устных дискуссиях и другие документы.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ В РОССИИ: ГРАНИЦЫ ПРИМЕНИМОСТИ МЕТОДА

Теоретические заключения Скиннера и Покока могут быть развиты и дополнены в свете их связей с теориями социального действия. Значимым для российского контекста и, скорее всего, для многих стран «второго» и «третьего

мира» представляется вопрос о социальных условиях и статусе публичной политической речи и публичной полемики²³. На наш взгляд, чрезвычайно продуктивным было бы совмещение двух дисциплинарных логик — рассмотрение политических языков в контексте истории публичной сферы²⁴. Публичная сфера, как в свое время определил Юрген Хабермас [Habermas 1962], прежде всего состоит из социокультурных институтов (таких, как пресса, театр, двор, салон, академия, кофейня или масонская ложа), задающих «правила чтения» в зависимости от иерархической системы символических смыслов, принятой в том или ином сообществе. Тексты (в напечатанном или рукописном виде) мигрируют из одной системы в другую не только в синхронной, но и в диахронной перспективе, и в каждом из контекстов способны обретать разные значения, становиться разными речевыми жестами. Именно поэтому законы функционирования общественных институций, т.е. тех пространств, в которых происходят обсуждение и легитимация политических аргументов, способны оказывать существенное влияние на поэтику и риторику политико-философских трактатов. Реконструкция речевого действия без анализа статуса его автора внутри публичной сферы рискует быть принципиально неполной, поскольку автор всегда имеет определенные представления о возможном адресате своего политического послания и об ожидаемом *характере* воздействия своей речи на адресата. Вместе с тем российская история XX века — это во многом история драматических разрывов, молчания и попыток восстановления связанных исторических традиций публичной речи, история резких изменений социальных правил и форматов публичной полемики. Изучение истории политических языков в российском контексте может быть дополнено и усложнено анализом эволюции институтов публичной сферы в их отношениях с экономической, политической и администра-

23 В интервью для этого номера «НЛО» Олег Хархордин указал на внутреннее сходство методологической оптики Покока и Скиннера с ситуацией классического «схоластического спора» блестящих студентов, которые обмениваются репликами и сравнивают качество аргументов. Это сопоставление кажется нам чрезвычайно важным свидетельством необходимости критической рефлексии над границами применимости кембриджской методологии. В каких институциональных контекстах политические акторы с большей вероятностью «не могут не ответить» на речь и новые аргументы оппонента? В каких условиях ответом на удачную риторику оппонента с большей вероятностью становится насилие? Из сравнения методологии Кембриджской школы с социальной практикой университетской полемики, впрочем, может следовать и то заключение, что традиция «схоластических споров» в лучших университетах Великобритании сделала определенную социальную работу, которую в меньшей мере проделала и продельвает отечественная система образования. Британская политическая и интеллектуальная элита получает общее образование и своеобразную прививку уважения к риторике и качеству аргументации, которая в долгосрочной перспективе может укреплять мягкую опосредующую власть публичной речи и ограничивать другие формы социальной власти.

24 О современных импликациях теории публичной сферы применительно к европейской истории XVIII века (в том числе библиографию) см.: [Goodman 1992; Van Horn Melton 2001]. О развитии историографии политических языков на несколько иных, нежели у Покока и Скиннера, лингвистических основаниях см., например: [Struever 1974; Хархордин 2012].

тивной властью, цензурой, пропагандой и, наконец, прямой угрозой насилия, ограничивающими, но полностью не уничтожающими мягкую автономию публичной полемики.

Историк, будучи частью академической системы, не перестает быть «политическим актором». Эта точка зрения, обоснованная Пококом в целой серии статей [Росock 1996 / 2009; 1998 / 2009; 2005 / 2009], чрезвычайно важна для понимания прагматики его подхода. В силу этого обстоятельства кембриджская методология не только имеет значение в контексте современных исторических и культурологических исследований, но и, шире, способна сформировать рефлексивную политическую культуру в России. В этой перспективе идеи Покока могут оказать стимулирующее воздействие как на исследования по интеллектуальной истории и истории дискурса в широком междисциплинарном поле, так и на формирование полноценной и методологически ответственной истории политической философии в России. Использование исследовательских матриц, разработанных для анализа дебатов в городских итальянских республиках и Британии Нового времени, в разысканиях о русской политической истории предполагает дополнительную рефлексию о границах применимости метода. Прежде всего следует поставить вопрос о степени автономии публичной речи в рамках государственной репрессивной системы, политической традиции или экономических отношений, об институционализированных формах публичной дискуссии в отечественном контексте.

Содержательно, наиболее актуальной для современной России представляется республиканская перспектива, предложенная Пококом для анализа истории социальной легитимации, освоения и одновременно ограничения господствующих в обществе коммерческих отношений, которые сегодня мы можем назвать капиталистическими (см. в частности: [Росock 1985]). Нелегитимность частной собственности и коммерческих отношений, *de jure* и во многом *de facto* составляющих основу современной повестки дня в России, делает социальные институты рыночных отношений и общественного порядка в целом неустойчивыми и одновременно сужает возможность социального ограничения и нормативной коррекции соответствующих коммерческих отношений и практик. Например, сложившиеся в России формулы порицания богатства не различают «административный откат» и «предпринимательскую прибыль». Подход к политическим языкам и традициям политической философии как к автономным типам социального действия позволяет видеть и, возможно, отчасти укреплять фундаментальную роль риторики и политической дискуссии в формировании устойчивых институтов современного российского общества.

Традиции отечественной политической риторики и публичных дискуссий представляются ценным и недостаточно активно используемым общественным институтом. «В России нет политики», «В России нет общего политического языка» — эти утверждения указывают на чрезвычайно большую опасность в периоды проведения в России масштабных реформ и осмысления их итогов. Любая реформа объективно приводит к социальной фрустрации и требует особого истолкования, позволяющего минимизировать риски, связанные с формированием в обществе негативных представлений о происходящих изменениях. Легитимация реформ и, шире, господствующих социально-экономических отношений через публичную речь, ориентированную на набор узнаваемых идиом, представляется существенным фактором как устойчивости общественного порядка, так и его способности к гибкой *адаптации*

в будущем. В современной истории России капитализм и рыночные отношения были введены в результате стремительной серии радикальных реформ, на подготовку и публичное обоснование которых у реформаторов было очень мало времени. Этот опыт отчасти напоминает и предшествующий период: дворянская частная собственность, законодательно оформленная при Екатерине II, через полтора столетия оказалась недостаточно укорененной в общественных институтах. Кровавый и обезчеловечивающий опыт революции и опыт насильственного построения социалистической экономики, не обеспечившей длительной устойчивости, показывают, что легитимация частной собственности в России есть ключевое условие стабильного социального порядка как такового, а не просто защита политических и экономических интересов одной группы²⁵. При этом легитимация через общественную полемику исторически обозначает не только признание прав собственности, но и встречные обязательства собственников перед обществом.

Задача убедить общественное мнение в долгосрочных преимуществах капитализма, либеральных ценностей и представительной демократии или всерьез обсудить социальные последствия реформ выглядела в 1990-е годы как почти неразрешимая и, по сути, не ставилась. Более существенно то, что спустя более чем двадцать лет, находясь на историческом пике экономического и потребительского благосостояния, российское общество не признает основы собственного экономического устройства и почти неспособно обсуждать этот вопрос на понятном и устоявшемся языке.

В этом смысле аналитический инструментарий и круг вопросов, разработанных в исследованиях Покока, представляется чрезвычайно ценным. Недостаток глубокой и нормативной политической рефлексии в России может быть частично снят с помощью более внимательного отношения к эволюции отечественных идиом (языка церковной проповеди и светской историософии, марксистских идиом, правовой риторики, профессиональных наречий, языков различных научных дисциплин, бюрократического языка и др.) в их постоянном взаимодействии с западноевропейской традицией. Понимание центральной роли эволюции языков, риторики и «диалектов», служащих медиаторами общественных процессов и позволяющих артикулировать групповые интересы в общезначимых и узнаваемых терминах, имеет прежде всего научное значение. При этом постепенная кристаллизация и публичное осознание таких конвенциональных языков важны и с политической точки зрения. Напомним, что саму методологию интеллектуальной истории, исходящую из предположения о политической значимости риторических конвенций (ограничивающих произвол и насилие игроков и предоставляющих авторам относительную свободу по отношению к языку), Покок

25 Так, в интервью изданию «Эксперт», воспроизведенном в недавнем юбилейном номере журнала, посвященном продвижению просвещенного капитализма в России, Владимир Биbihин указывал на критическую важность этой проблематики: «Если в России частная собственность так легко, почти без сопротивления, была сметена вихрем социалистических страстей, то только потому, что слишком слаба была вера в правду частной собственности и сами ограбляемые собственники, негодуя на грабителей по личным мотивам, в глубине души не верили в свое право, не создавали его священности, не чувствовали своей обязанности его защищать, более того, втайне были убеждены в нравственной справедливости последних целей социалистов» (*Биbihин В. Свое, собственное // expert.ru/expert/2003/22/22ex-bibihin_32698* (дата обращения: 25.07.2015)).

понимал как внутренне связанную с более общими предпосылками гуманистической либеральной политической философии. Это обстоятельство задает определенные ограничения на ее использование, однако, несомненно, публичное обсуждение такой истории языков укрепляет свободу.

* * *

В заключение добавим, что обсуждение методологии Кембриджской школы на страницах «НЛО» продолжится: в следующем номере журнала мы представим четыре статьи, авторы которых попытались применить кембриджские подходы на практике. Сюжетами кейсов станут понятие «дворянская собственность» в законодательстве Екатерины II, политический язык Петра Чаадаева, правовая риторика Анатолия Кони в процессе над Верой Засулич и политическая философия Егора Гайдара.

ЛИТЕРАТУРА

- [Бивир 2010] — *Бивир М.* Роль контекстов в понимании и объяснении / Пер. с англ. Д. Бондаренко // История понятий, история дискурса, история метафор / Под ред. Х.Э. Бёдекера. М., 2010. С. 112–152 (впервые: Human Studies. 2000. Vol. 23. № 4. P. 395–411).
- [Бикбов 2014] — *Бикбов А.Т.* Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М., 2014.
- [Дмитриев 2004] — *Дмитриев А.Н.* Контекст и метод: (Предварительные соображения об одной становящейся исследовательской индустрии) // НЛО. 2004. № 66. С. 6–16.
- [Дубина 2010] — *Дубина В.* Из Билефельда в Кембридж и обратно: пути утверждения: «История понятий» в России: Послесловие // История понятий, история дискурса, история метафор / Под ред. Х.Э. Бёдекера. М., 2010. С. 298–319.
- [Миллер, Сдвижков, Ширле 2012] — *Миллер А.И., Сдвижков Д.А., Ширле И.* «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. М., 2012. Т. 1. С. 5–46.
- [Скиннер 2002] — *Скиннер Кв.* The State / Пер. с англ. Д. Федотенко // Понятие государства в четырех языках / Под ред. О. Хархордина. СПб., 2002. С. 12–74 (впервые: 1989).
- [Скиннер 2004] — *Скиннер Кв.* Коллингвудовский подход к истории политической мысли: Становление, вызов, перспективы / Пер. с англ. Ю. Идлис // НЛО. 2004. № 66. С. 55–66.
- [Скиннер 2006] — *Скиннер Кв.* Свобода до либерализма / Пер. с англ. А. Магуна. СПб., 2006.
- [Скиннер 2009] — *Скиннер Кв.* Макиавелли: Очень краткое введение / Пер. с англ. М., 2009.
- [Скиннер 2011] — *Скиннер Кв.* Идея негативной свободы: философские и исторические перспективы / Пер. с англ. С.В. Моисеева // Политическая концептология. 2011. № 3. С. 131–151 (переизд.: Логос. 2013. № 92. С. 155–186).
- [Скиннер 2013] — *Скиннер Кв.* Итак, как мы понимаем свободу? Генеалогия свободы: Лекция в университете Нового Южного Уэльса 30 августа 2012 г. / Пер. с англ. В. Макарова под ред. И. Герасимова // Ab Imperio. 2013. № 1. С. 21–54.
- [Скиннер 2015] — *Скиннер Кв.* О свободе республик / Пер. с англ. // Современная республиканская теория свободы: Коллективная монография. СПб., 2015. С. 25–42.
- [Хархордин 2012] — *Хархордин О.В.* История понятий как метод теории практик // Эволюция понятий в свете истории русской культуры / Отв. ред. В.М. Живов, Ю.В. Кагарлицкий. М., 2012. С. 7–23.

- [Шартье 2004] — *Шартье Р.* Интеллектуальная история и история ментальностей: Двойная переоценка? / Пер. с англ. Н. Мовниной // НЛЮ. 2004. № 66. С. 44–47.
- [Bevir 1992] — *Bevir M.* The Errors of Linguistic Contextualism // History and Theory. 1992. Vol. 31. № 3. P. 276–298.
- [Bevir 2004] — *Bevir M.* The Logic of the History of Ideas. Cambridge, 2004.
- [Bourdieu 2001] — *Bourdieu P.* Langage et pouvoir symbolique. Paris, 2001.
- [Brett 2002] — *Brett A.* What Is Intellectual History Now? // What Is History Now? / Ed. by D. Cannadine. London, 2002. P. 113–131.
- [Chignola, Duso 2008] — *Chignola S., Duso G.* Storia dei concetti e filosofia politica. Milano, 2008.
- [Clark 2006] — *Clark J.D.C.* Barbarism, Religion and the History of Political Thought // The Political Imagination in History: Essays Concerning J.G.A. Pocock / Ed. by D.N. DeLuna assisted by P. Anderson and G. Burgess. Baltimore, 2006. P. 211–230.
- [Dunn 1968] — *Dunn J.* The Identity of the History of Ideas // Philosophy. 1968. Vol. 43. № 164. P. 85–104.
- [Dunn 1996] — *Dunn J.* The History of Political Theory // Dunn J. The History of Political Theory and Other Essays. Cambridge, 1996. P. 11–38.
- [Gombrich 1960] — *Gombrich E.H.* Art and Illusion: A Study in the Psychology of Pictorial Representation. London, 1960.
- [Goodman 1992] — *Goodman D.* Public Sphere and Private Life: Toward a Synthesis of Current Historiographical Approaches to the Old Regime // History and Theory. 1992. Vol. 31. № 1. P. 1–20.
- [Grafton 2006] — *Grafton A.* The History of Ideas: Precept and Practice, 1950–2000 and Beyond // Journal of the History of Ideas. 2006. Vol. 67. № 1. P. 1–32.
- [Guilhaumou 2010] — *Guilhaumou J.* Discorso ed evento: Per una storia linguistica delle idee / Trad. e introd. di R. Raus. Roma, 2010 (оригинальное издание: *Guilhaumou J.* Discours et événement: L'histoire langagière des concepts. Besançon, 2006).
- [Habermas 1962] — *Habermas J.* Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Frankfurt am Main, 1962.
- [Hampsher-Monk 1984] — *Hampsher-Monk I.* Political Languages in Time — the Work of J.G.A. Pocock // British Journal of Political Science. 1984. Vol. 14. № 1. P. 89–116.
- [Hampsher-Monk 1998] — *Hampsher-Monk I.* Speech Acts, Languages or Conceptual History? // History of Concepts: Comparative Perspective / Ed. by I. Hampsher-Monk, K. Tilmans and F. Van Vree. Amsterdam, 1998. P. 37–50.
- [Hankins 2000] — *Hankins J.* Introduction // Renaissance Civic Humanism: Reappraisals and Reflections / Ed. by J. Hankins. Cambridge, 2000. P. 1–13.
- [History of Ideas 1983] — The History of Ideas: An Introduction to Method / Ed. by P. King. London; Canberra, 1983.
- [History of Political Thought 2001] — The History of Political Thought in National Context / Ed. by D. Castiglione and I. Hampsher-Monk. Cambridge, 2001.
- [Hollis, Skinner 1978] — *Hollis M., Skinner Q.* Action and Context // Proceedings of the Aristotelian Society. Supplementary Volumes. 1978. Vol. 52. P. 43–69.
- [Hume 2006] — *Hume R.D.* Pocock's Contextual Historicism // The Political Imagination in History: Essays Concerning J.G.A. Pocock / Ed. by D.N. DeLuna assisted by P. Anderson and G. Burgess. Baltimore, 2006. P. 27–55.
- [Jacoby 1992] — *Jacoby R.* A New Intellectual History? // The American Historical Review. 1992. Vol. 97. № 2. P. 405–424.
- [Jeppesen, Stjernfelt, Thorup 2013] — *Jeppesen M.H., Stjernfelt F., Thorup M.* Preface // Intellectual History: 5 Questions / Ed. by M.H. Jeppesen, F. Stjernfelt, M. Thorup. Copenhagen, 2013. P. III–V.

- [King 1995] – *King P.* Historical Contextualism: The New Historicism? // History of European Ideas. 1995. Vol. 21. № 2. P. 209–233.
- [LaCapra 1983] – *LaCapra D.* Rethinking Intellectual History: Texts, Contexts, Language. Ithaca, N.Y., 1983.
- [LaCapra 1992] – *LaCapra D.* Intellectual History and Its Ways // The American Historical Review. 1992. Vol. 97. № 2. P. 425–439.
- [Mulsow, Mahler 2010] – *Mulsow M., Mahler A.* Einleitung // Die Cambridge School des politischen Ideengeschichte / Hg. von M. Mulsow und A. Mahler. Berlin, 2010. S. 7–17.
- [Pagden 1988] – *Pagden A.* Review: Rethinking the Linguistic Turn: Current Anxieties in Intellectual History // Journal of the History of Ideas. 1988. Vol. 49. № 3. P. 519–529.
- [Palonen 2003] – *Palonen K.* Quentin Skinner: History, Politics, Rhetoric. Cambridge, 2003.
- [Pettit 1997] – *Pettit Ph.* Republicanism: A Theory of Freedom and Government. Oxford, 1997.
- [Pocock 1962] – *Pocock J.G.A.* The History of Political Thought: A Methodological Inquiry // Philosophy, Politics and Society. 2nd ser. / Ed. by P. Laslett and W.G. Runciman. Oxford, 1962. P. 183–202.
- [Pocock 1971] – *Pocock J.G.A.* Politics, Language, and Time: Essays on Political Thought and History. Chicago, 1971.
- [Pocock 1971 / 2009] – *Pocock J.G.A.* Working on Ideas in Time [1971] // Pocock J.G.A. Political Thought and History: Essays on Theory and Method. Cambridge, 2009. P. 20–32.
- [Pocock 1985] – *Pocock J.G.A.* Virtue, Commerce and History: Essays on Political Thought and History, Chiefly in the Eighteenth Century. Cambridge, 1985.
- [Pocock 1987 / 2009] – *Pocock J.G.A.* The Concept of a Language and the *métier d'historien*: Some Considerations on Practice [1987] // Pocock J.G.A. Political Thought and History: Essays on Theory and Method. Cambridge, 2009. P. 87–105.
- [Pocock 1996] – *Pocock J.G.A.* Concepts and Discourses: A Difference in Culture? Comment on a Paper by Melvin Richter // The Meaning of Historical Terms and Concepts: New Studies on Begriffsgeschichte / Ed. by H. Lehmann and M. Richter. Washington, 1996. P. 47–58.
- [Pocock 1996 / 2009] – *Pocock J.G.A.* The Historian as Political Actor in Polity, Society and Academy [1996] // Pocock J.G.A. Political Thought and History: Essays on Theory and Method. Cambridge, 2009. P. 217–238.
- [Pocock 1998 / 2009] – *Pocock J.G.A.* The Politics of History: The Subaltern and the Subversive [1998] // Pocock J.G.A. Political Thought and History: Essays on Theory and Method. Cambridge, 2009. P. 239–256.
- [Pocock 2001] – *Pocock J.G.A.* Medieval Kings at the Court of Charles I: Thomas May's Verse Histories // Perspectives on Early Modern and Modern Intellectual History: Essays in Honor of Nancy S. Struever / Ed. by J. Marino and M.W. Schlitt. Rochester, N.Y., 2001. P. 442–458.
- [Pocock 2005 / 2009] – *Pocock J.G.A.* The Politics of Historiography [2005] // Pocock J.G.A. Political Thought and History: Essays on Theory and Method. Cambridge, 2009. P. 257–271.
- [Pocock 2006] – *Pocock J.G.A.* Foundations and Moments // Rethinking the Foundations of Modern Political Thought / Ed. by A. Brett and J. Tully with H. Hamilton-Bleakley. Cambridge, 2006. P. 37–49.
- [Pocock 2013] – *Pocock J.G.A.* Intellectual History // Intellectual History: 5 Questions / Ed. by M.H. Jeppesen, F. Stjernfelt, M. Thorup. Copenhagen, 2013. P. 143–145.
- [Political Discourse 1993] – Political Discourse in Early Modern Britain / Ed. by N. Phillipson and Q. Skinner. Cambridge, 1993.
- [Political Innovation 1989] – Political Innovation and Conceptual Change / Ed. by T. Ball, J. Farr, R.L. Hanson. Cambridge, 1989.

- [Political Philosophy versus History 2011] – Political Philosophy versus History? Contextualism and Real Politics in Contemporary Political Thought / Ed. by J. Floyd and M. Stears. Cambridge, 2011.
- [Richter 1995] – *Richter M.* Pocock, Skinner and *Begriffsgeschichte* // The History of Political and Social Concepts: A Critical Introduction / Ed. by M. Richter. New York; Oxford, 1995. P. 124–142.
- [Simmons 2012] – *Simmons D.* The Weight of the *Moment*: J.G.A. Pocock's Politics of History // History of European Ideas. 2012. Vol. 38. № 2. P. 288–306.
- [Skinner 1969] – *Skinner Q.* Meaning and Understanding in the History of Ideas // History and Theory. 1969. Vol. 8. № 1. P. 3–53.
- [Skinner 1970] – *Skinner Q.* Conventions and the Understanding of Speech Acts // The Philosophical Quarterly. 1970. Vol. 20. № 49. P. 118–138.
- [Skinner 1975] – *Skinner Q.* Hermeneutics and the Role of History // New Literary History. 1975. Vol. 7. № 1. P. 209–232.
- [Skinner 1988a] – *Skinner Q.* «Social Meaning» and the Explanation of Social Action // Meaning and Context: Quentin Skinner and His Critics / Ed. by J. Tully. Princeton, 1988. P. 79–96.
- [Skinner 1988b] – *Skinner Q.* Language and Social Change // Meaning and Context: Quentin Skinner and His Critics / Ed. by J. Tully. Princeton, 1988. P. 119–132.
- [Skinner 1988c] – *Skinner Q.* A Reply to My Critics // Meaning and Context: Quentin Skinner and His Critics / Ed. by J. Tully. Princeton, 1988. P. 231–288.
- [Skinner 2002] – *Skinner Q.* Visions of Politics. Vol. 1: Regarding Method. Cambridge, 2002.
- [Skinner 2008] – *Skinner Q.* Hobbes and Republican Liberty. Cambridge, 2008.
- [Struever 1974] – *Struever N.* The Study of Language and the Study of History // The Journal of Interdisciplinary History. 1974. Vol. 4. № 3. P. 401–415.
- [Thompson 1993] – *Thompson M.P.* Reception Theory and the Interpretation of Historical Meaning // History and Theory. 1993. Vol. 32. № 3. P. 248–272.
- [Toews 1987] – *Toews J.E.* Review: Intellectual History after the Linguistic Turn: The Autonomy of Meaning and the Irreducibility of Experience // The American Historical Review. 1987. Vol. 92. № 4. P. 879–907.
- [Tuck 1993] – *Tuck R.* The Contribution of History // A Companion to Contemporary Political Philosophy / Ed. by R.E. Goodin and Ph. Pettit. Oxford, 1993. P. 72–89.
- [Tully 1988] – *Tully J.* The Pen Is a Mighty Sword: Quentin Skinner's Analysis of Politics // Meaning and Context: Quentin Skinner and His Critics / Ed. by J. Tully. Princeton, 1988. P. 7–25.
- [Tully 2002] – *Tully J.* Political Philosophy as a Critical Activity // Political Theory. 2002. Vol. 30. № 4. P. 533–555.
- [Van Gelderen 1998] – *Van Gelderen M.* Between Cambridge and Heidelberg. Concepts, Languages and Images in Intellectual History // History of Concepts: Comparative Perspective / Ed. by I. Hampsher-Monk, K. Tilmans and F. Van Vree. Amsterdam, 1998. P. 227–238.
- [Van Horn Melton 2001] – *Van Horn Melton J.* Introduction: What Is the Public Sphere? // Van Horn Melton J. The Rise of the Public in Enlightenment Europe. Cambridge, 2001. P. 1–15.
- [Vincent 2003] – *Vincent J.* Concepts et contextes de l'histoire intellectuelle britannique: L'«École de Cambridge» à l'épreuve // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 2003. T. 50. № 2. P. 187–207.
- [White 1969] – *White H.* The Task of Intellectual History // The Monist. 1969. Vol. 53. № 4. P. 606–630.